

КРЫЛАТЫЙ МИНЕРАЛ ПРОФЕССОРА БАЖЕНОВА

Томский госуниверситет всегда славился своими династиями ученых-исследователей. Часто увлеченность родителей любимой наукой бывала так сильна, что дети, а потом и внуки просто не мыслили для себя никакого другого занятия. А вот в династии геологов Баженовых уже и правнук прокладывает геологические маршруты, продолжая дело известного сибирского профессора Ивана Кузьмича Баженова, 110-летие со дня рождения которого отмечают в эти дни на геолого-географическом факультете.

...Вертолет все дальше и дальше забирался в глубь Западного Саяна. Внизу, на сколько хватало глаз, раскинулись горные хребты, оцетинившиеся иглами вековых пихт и елей. Глухие места, непроходимые урманы, служащие в свое время надежным укрытием староверам. И только бурный Абакан, пенящийся на порогах, да голубые оконца каровых озер слегка скрашивали суровый саянский пейзаж. Пролетая над этим царством первозданной природы, трудно было даже представить, как в начале 30-х годов исходил всю эту территорию геологическими маршрутами Иван Кузьмич Баженов. Но вот она в руках его монография «Западный Саян» – научное подтверждение тех беспримерных сложнейших полевых сезонов.

«Особенно самоотверженно работу проводил инженер для поручений И.К. Баженов, который, кое-как добравшись до южной части Минусинского уезда, пешком сделал ряд маршрутов в Саянах по Енисею и собрал материал по геологии Маинского медно-колчеданного месторождения», – так оценил результаты летней экспедиции молодого преподавателя кафедры минералогии Томского госуниверситета в отчете Сибирского отделения Геолкома за 1922 год его председатель профессор М.А. Усов. Впрочем, ничего иного от своего ученика Михаил Антонович и не ожидал. На что способен Иван

Баженов, он хорошо знал, будучи за год до этого руководителем его дипломной работы, которая, по мнению профессора, отвечала самым современным петрографическим теориям и выгодно отличалась от предыдущих исследований района, в том числе и опытными геологами. Великолепное знание мировой и отечественной литературы, стремление ко всему новому, прогрессивному, смелое внедрение передового опыта в геологические исследования – вот что всегда отличало Баженова независимо от занимаемой должности: инженер для поручений, ассистент, доцент, профессор, заведующий кафедрой, научный руководитель проблемной исследовательской лаборатории. Если к этому добавить присущие ему необычайное трудолюбие, ответственность за порученное дело, организованность и скрупулезность исследований, то станет ясно, почему Иван Кузьмич всегда был на «ты» с госпожой Удачей. Подтверждений тому сколько угодно.

Осенью 1930 года, работая с коллектором А.К. Кюзом в верховьях реки Теи, Баженов обратил внимание на куски магнетитовой руды в отвалах старательских шурфов. Заинтересовавшись находкой, стали расспрашивать местных жителей, не видели ли они где-нибудь таких же тяжелых образцов. Иван Кузьмич отлично знал любознательность и наблюдательность хакасов, и в этот раз они нашли-таки охотника-старателя П.Е. Табастаева, который толково и обстоятельно рассказал, где ему попадались такие камешки. Началась гонка за магнетитом. Тщательное опознание указанных речек позволило дать положительное заключение о перспективах района на крупное железорудное месторождение, которое и было открыто летом следующего года.

Тейское – так называли это месторождение – одно из крупнейших в Западной Сибири, из руды которого и сегодня рождается металл, а на руднике укреплен памятник с фамилиями первооткрывателей. И еще на одном руднике Кузнецкого Алатау помнят и чтут геологов-первооткрывателей, среди которых тоже есть Иван Кузьмич. Кия-Шалтырское месторождение уртитов на долгие годы стало поставщиком руды для выплавки сибирского алюминия благодаря научному предвидению и настырности профессора Баженова. Это он с профессором кафедры химии университета А.П. Бунтиным совершил «алюминиевую революцию», доказав рентабельность использования уртитов для получения глинозема. Десять лет ушло

на борьбу с устоявшимися представлениями, но время показало, что нефелин действительно «крылатый» минерал, доказательством чему действующие сегодня в Западной Сибири нефелиновый рудник и Ачинский глиноземный комбинат. Вот и выходит, что не случайно название минерала происходит от греческого слова «нефелэ» – облако.

Были еще месторождения, в открытии которых профессор Баженов принимал участие: Горячегорский массив нефелиновых сиенитов, Усинское асбестовое, Анзаское железорудное, Копенское молибденовое... Но как сосчитать все те многочисленные месторождения, к которым привел геологов разработанный Иваном Кузьмичом шлиховой метод поисков? Хотя одно могу назвать точно. Это Кундатское вольфрамное, найденное в Мариинской тайге по шлиховым потокам шеелита учеником Ивана Кузьмича доцентом университета А.Р. Ананьевым. А как учесть значение его систематических лекций для геологов Томска, Красноярска, Новокузнецка по геохимии различных полезных ископаемых и методам их изучения? Впрочем, сам Иван Кузьмич никогда не задумывался над этими вопросами, щедро делаясь знаниями и опытом. Без этого профессор Баженов себя просто не мыслил.

... Памятные фотографии студентов-выпускников всегда получаются торжественными и радостными. Не стал исключением снимок 1948 года, где рядом с деканом геолого-почвенного факультета сидит дипломница-отличница Надежда Янчук. Уехав на работу в Магадан, Надя даже в страшном сне не могла предполагать скорую встречу с любимым преподавателем. Там, где она состоялась, не было уже профессора Баженова, а был «враг народа», приговоренный к 25 годам исправительно-трудовых работ. В стеганой черной фуфайке, не по размеру короткой и узкой, ссутулившийся и съжившийся от холода, появился он в 1952 году в Магаданском геологическом управлении, где из репрессированных геологов была организована Северная комплексная экспедиция № 8 при Первом управлении Дальстроя ММП СССР. Стране срочно потребовались высококвалифицированные кадры для изучения урановых месторождений Северо-Востока. Три доктора наук, в том числе томичи Баженов, Шахов, три опытных геолога-производственника – подобной мощной научной группы не знавали еще в тех краях. По воспоминаниям начальника этой экспедиции, тогда молодого специалиста В.Н. Ли-

патова, работали ЗК-геологи добросовестно, творчески, вдохновенно, порой пускаясь в яростные теоретические споры на глобальные геологические темы, напрочь забывая в такие моменты о колючей проволоке вокруг отведенного для них флигеля. Даже унижительная лагерная система не могла уничтожить в них любви к Геологии. Вот почему составленный экспедицией научный отчет до сих пор вызывает у специалистов удивление глубиной проработки поставленных проблем. Правда, при работе над отчетом Иван Кузьмич никак не мог привыкнуть к тому, что в целях конспирации нельзя было произносить слово уран и употреблять в разговорах названия урановых минералов. Тогда-то его коллеги предложили придумать новое определение, похожее на настоящее, заменив, к примеру, урановую слодку тюямунит на привычное для русского слуха – хуямудит. С юмором у ЗК-профессоров было всё в порядке.

Могу с уверенностью сказать: профессор Баженов был счастливым человеком. Несмотря ни на что, Господь дал ему долгую творческую жизнь. Иван Кузьмич смог увидеть, как на открытых им месторождениях стали работать рудники. Как образовались в глухих таежных местах рудничные поселки, в которых его избирали почетным гражданином. Он держал в руках металл, полученный из найденной им руды. А главное, он познал любовь, уважение и благодарность своих многочисленных учеников, для которых работал и творил всю жизнь. К ним и последующим поколениям геологов обратился Иван Кузьмич в предисловии своей монографии «Западный Саян».

«Эту работу я посвящаю молодым исследователям геологии Сибири. Мне хочется, чтобы эта книга вдохнула в них такой же живой интерес к изучению геологии Сибири, какой почувствовал я сам во время своих работ в труднодоступном Западном Саяне и Кузнецком Алатау. С большим вниманием я буду следить за их исследованиями...»

«ТОМСКИЙ ВЕСТНИК», ОКТЯБРЬ 2000 ГОДА